

1

Первая идея

В тишине, посреди густого белого тумана, словно потерянная в пустоте игрушка, появился первый темно-красный вагончик на Площади Времени. Приоткрылась задняя дверь, и женщина, подтянув лоскуты своего тяжелого серого холщового платья, спустилась по трем кованым ступеням, которые скрипели под ее весом. Увидев отряд усталых бойцов сопротивления, она высоко подняла руку:

– Добро пожаловать, незадачливые путешественники!

– Наконец-то! – усмехнулся Эней, тяжело дыша.

Брисеида тоже была рада прибытию. Подъем из Китая VIII века занял много часов. Присаживаться было нельзя, потому что Эней, который нес на спине находящегося без сознания Леонеля, мог потерять равновесие.

Брисеида чувствовала себя истощенной. Но ее усталость меркла перед усталостью бедного греческого солдата. Он претерпел мученические страдания во время бесконечного подъема по невидимой лестнице, чувствуя, как иссыкают его силы и дрожат колени. Один неверный шаг мог привести к фатальному падению...

– Вот это у вас посылка, – засмеялась женщина, поправляя свою толстую белокурую косу. – Вы тащили его до самого верха? Что собираетесь с ним делать?

– Разбудим его, прекрасная леди, – ответил Энндал, чувствуя себя в достаточной безопасности, чтобы отпус-

тить руку Оанко и помочь Менгу уложить Леонеля возле вагончика.

Эней рухнул на землю, обливаясь потом.

— Молодчина, дружище, — сказала Лиз, протягивая ему бутылку с водой. — Вот, заслужил.

Переменчивый ветер вдруг принес им веселые причитания торговцев. Туман внезапно рассеялся, обнажив прилавки. Как и перед их отправлением в Поднебесную империю, торговцы размахивали своими амулетами перед прохожими. Маленькие группы в белых одеждах продвигались более или менее уверенным шагом в этом беспорядке, посреди гор, пещер и океанов тумана, которые окружали невидимое плато Площади Времени.

Оанко опустился на колени перед Леонелем и коснулся его лба.

— Мне нужны травы, чтобы разбудить его. Вода и немного углей, чтобы приготовить отвар для ингаляции.

— Все, что вы хотите, вы найдете у Тити Л'Эрб, — с восторгом произнесла женщина с белокурой косой.

Она надавила на задвижку в передней части своего жилища, которая внезапно отъехала, открыв большой прилавок. Она отодвинула занавеску, продемонстрировав удивительную коллекцию сушеных трав, и потянула за цепочку, поднося котелок с уже кипящей водой.

— Разумеется, за определенную плату. Но я не придираюсь к валюте, лишь бы в кармане звенело, когда спотыкаешься.

— Вы знали, что у нас будет раненый? — воскликнул Оанко в изумлении.

— Да. О, вы не первые, с кем такое случается, если можно так выразиться.

— ПОЖИРАТЕЛИ КОШМАРОВ, ЛОВЦЫ ИЛЛЮЗИЙ, ПРОТИВНЫЕ НАРУШИТЕЛИ СПОКОЙСТВИЯ! ДАЖЕ НА ПЛОЩАДИ ВРЕМЕНИ НУЖНО ЛОВИТЬ МОМЕНТ! ЛОВИТЕ ЕГО, ЧТОБЫ ПРИНЕСТИ И СЕБЕ, И МНЕ ВЫГОДУ! — кричал мужчина позади нее, с удовольствием подтверждая слова женщины.

— Чувствую себя как дома, это вселяет уверенность, — вздохнула Лиз.

Оанко предпочел закончить обработку раны Леонеля, прежде чем разбудить его. Путники сидели рядом, скрестив ноги, и смотрели, как индеец ухаживает за солдатом.

— Торговцы правы, сейчас или никогда, — сказал Энндал. — Начнем с отражающих химер зеркал. Они должны обладать теми же свойствами, что и зеркала фэн-шуй.

Брисеида с облегчением наблюдала, как Лиз и Менг серьезно кивнули. Мерзкий запах дракона все еще стоял у нее в ноздрях, и она вздрогнула при воспоминании о мокрой чешуе на своей коже. Во время подъема она рассказала им о том, как канцлер Ли использовал дракона, чтобы попытаться утопить ее в реке ткачихи, вращая песчинки в песочных часах для управления зверем. Она рассказала, как после запуска песочных часов тот же дракон позволил ей и Леонелю избежать нападения императора. И Менг, и Лиз очень серьезно отнеслись к ее рассказу. После вмешательства призрака Шу Фана и рассказа Фу Цзи генерал больше не мог сомневаться в ее словах.

Брисеида была благодарна сыну Менга, хотя и сожалела, что Фу Цзи не рассказал больше. Он поведал отцу совсем немного о своем путешествии в качестве ученика Элиты и не рассказал о Цитадели ничего такого, чего бы она уже не знала.

— Фу Цзи сообщил вам свою версию развития событий о тактике Элиты с момента нашего прибытия в Поднебесную? — спросила она своих друзей.

Менг кивнул:

— Цитадель начала следить за мной задолго до того, как я присоединился к сопротивлению. Они не могли знать, что меня завербует старик, но они понимали, что рано или поздно я стану проблемой, потому что не могли меня подкупить. Цитадель попросила своего хранителя, Ляна, приблизиться к моей семье, чтобы присматривать за мной. Когда я думаю, что отдал ему в жены свою дочь... Он был мне как сын.

— Он виновен не больше, чем Фу Цзи, — напомнил ему Энндал. — Фу Цзи рассказал нам, что хранители никогда не входят в Цитадель. Они почти ничего не знают о ней, иногда им даже не известна личность Альфы, которая правит их регионом. Они, так же как и Элита, находятся в ловушке и вынуждены служить Цитадели.

— Почему? Как Лян стал хранителем?

— Фу Цзи не смог нам рассказать. Но он поведал остальную часть истории: канцлер вовсе не собирался убивать Менга в доках в день нашего прибытия. Если бы его великий полководец — его сильная рука, отвечавшая за его безопасность более тридцати лет, — умер, император мог бы полностью выйти из своего апатичного состояния. Он должен был прислушаться к совету министра Сяо, который, как и Менг, давно подозревал Ань Лушаня, и предпринять необходимые шаги для восстановления контроля. Тогда бы рухнула вся изящная работа Элиты. С самого начала целью канцлера, пославшего персидских убийц, было усиление напряженности между Менгом и императором. Его план стал более четким, когда во дворце он узнал, что мы являемся частью сопротивления. Он использовал песочные часы, чтобы поймать дракона, подстроил смерть льва во время оперы, и приказал Ань Лушаню отправиться к северо-восточной границе, чтобы тот присоединился к старшему сыну Менга, Девэю.

— У Элиты никогда не было проблем, — продолжала Лиз. — Канцлер Ли контролировал все от начала до конца. Он достаточно позволил нам узнать о его планах, чтобы мы немного понервничали, но не настолько, чтобы мы смогли перейти к активным действиям. Он заставил нас носиться, как дураков, пока сам настраивал императора и Менга друг против друга.

— А как насчет Девэя? Знает ли он о существовании Элиты?

— Фу Цзи заверил нас, что нет. Сражение на северо-востоке продолжалось три дня. Ань Лушань прибыл как раз под конец. Девэй отправил свой отчет, и Элита перехватила его во дворце, чтобы дождаться подходящего момента и показать его императору. Фу Цзи считает, что Менг все еще жив там, потому что его дух здесь не смог бы выжить, если бы его тело умерло. Девэй не упомянул отца в своем отчете либо потому, что Ань Лушань отговорил его от этого, либо потому, что Менг находится в добром здравии.

Менг закатил глаза, как будто Энндал только что сказал самую большую глупость. Брисеида была вынуждена признать, что трудно представить, как Менг одновременно присутствует с ними и находится в сознании где-то в Поднебесной. И все же, учитывая путешествия во времени, такое возможно.

— По словам Лиз, канцлер Ли некоторое время назад попросил Ляна сблизиться с Фу Цзи, так как чувствовал его предрасположенность. Фу Цзи не вписывался в свою семью, чувствовал себя отвергнутым, неполноценным. Он страдал от несправедливости и жаждал перемен. Идеальный кандидат для Цитадели. Элиту порадовало то, что как раз перед вступительными экзаменами Менг вернулся на государственную службу. Фу Цзи был разочарован, он созрел для того, чтобы крепость забрала его. Ляну было поручено поддерживать Фу Цзи, как только тот был поражен стрелой херувима, но пока он не перешел в Цитадель и не вернулся, готовый отречься от своего отца.

— Именно это я и видела, — подтвердила Брисеида.

Менг опустил голову, его глаза потемнели от мрачных мыслей. Энндал утешающе похлопал его по спине:

— Элита добила своего, нанеся последний удар по твоему сыну. Но она также пошла на риск, который не оценила должным образом. Они не приняли во внимание силу родственной любви.

— Хм, — проворчал Менг.

— А что насчет Ань Лушаня? — спросила Брисеида. — Неужели он не собирался осадить Чанъань? Разве он не является частью Элиты?

— Да, он тоже Альфа, — проговорил Энндал. — В каждой группе студентов есть только один Альфа, но Поднебесная большая, и, чтобы справиться с ней, необходимо несколько команд. Генерал Ань Лушань командует Северной Элитой.

— Значит, два Альфы? — ошеломленно спросила Брисеида.

— И две команды Элиты действуют сообща, чтобы Ань Лушань захватил Чанъань. Но они предпочли сначала избавиться от Менга, чтобы упростить себе задачу.

— Так что империя все еще в опасности. Вот только теперь император потерял всякое доверие к своему великому генералу, единственному, кто может ему помочь...

— По крайней мере, теперь я знаю, кто мои враги, — сказал Менг. — Я с нетерпением жду возможности пообщаться с канцлером Ли, когда наконец смогу вернуться домой.

— А пока нам нужно все хорошенько обдумать, — заметила Лиз. — Мы должны обозначить наш план атаки, прежде чем

снова прыгать в логово льва. Давайте думать вместе. Что полезного мы узнали в Срединном государстве?

— Мы знаем, что Менг не ошибся, потому что легенды действительно являются оружием Элиты, а суеверия — причиной их процветания, — сказала Брисеида.

— Ты тоже была права, — добавила Лиз, — поскольку эти легенды позволяют химерам спускаться на уровни реальности и совершать нападения на тех, кто их боится.

— Да, — согласилась Брисеида. — И, наконец, я считаю, что распространение легенд служит трем целям Элиты. Во-первых, чтобы направить поток химер. Через общепринятую легенду, например легенду о ткачихе, которая связывает принципы китайского мировоззрения с реальностью девяти этажей Мира Снов; или через определенную легенду о химере, которую они хотят уничтожить, например дракона. Во-вторых, легенды используются для устрашения и контроля, как мы видели на примере дракона, который вызвал землетрясение и позволил мастерам фэн-шуй отдавать приказы для успокоения химеры. В-третьих, легенды полезны для маскировки действий Элиты: двор не против лишит императора титула только потому, что его история любви напоминает легенду о ткачихе.

— Элита отлично отработала свою тактику, — резюмировал Оанко. — Они очень хорошо водят нас за нос и отвлекают от своих реальных планов.

— И я был первым, кто попался на уловку, — сказал Эней, — со своей историей о сорочьем мосте, ведущем к лестнице. Я все неправильно понял.

— Элита действительно воссоздала легенду о ткачихе, чтобы привлечь больше химер в реальный мир за год. И постановка легенды на горе Шеваль-Нуар тоже служит якорем. Несмотря на то что химеры попадают в реальный мир через произведения искусства, твоя идея была очень полезна для нас, мы поняли принцип действий Элиты, Эней.

— Хорошо, — кивнул Энндал. — Что еще?

Брисеида подняла руку, поддавшись дурным привычкам старшей школы.

— Есть несколько моментов, которые все еще беспокоят меня. Например, я знаю, что Эней не мог увидеть дракона, потому

что не был знаком с китайской культурой. Но почему жители Чаньана не увидели дракона, когда он напал на город? Большинство из них гораздо более восприимчивы к химерам, чем Менг. Почему они решили, что это было землетрясение?

— Фу Цзи дал нам ответ на этот вопрос, — сказал Эней. — Некоторые люди видели дракона, и поэтому народ был уверен, что божество разгневалось. Но если не все его увидели, то это потому, что дракон находился не на втором уровне реальности, а выше. На диске, который мало кому удастся посетить. Элита хотела, чтобы все было именно так: у каждой проблемы есть свое решение, и в тот день целью было не поддержание легенды о драконе, а обвинение Менга. Поэтому Элита быстро подсуетилась. Вот что рассказал нам Фу Цзи.

Брисеида достала сферу Нила Кубы-младшего и развернула ее в центре их круга. В тысячный раз она провела пальцами между статуэтками химер, расставленных на девяти золотых дисках, образующих пирамиду.

— На верхнем этаже находится Мир Снов, куда все попадают ночью в своих снах, — сказала Брисеида, поглаживая трех драконов на вершине, один из которых наблюдал, как сражаются два других. — В основании находится первая плоскость реальности, та, куда теоретически не может попасть ни одна химера, — добавила она, проведя пальцем по самому широкому из дисков, лишенному химер. — Но на самом деле им нужно лишь протиснуться сквозь плоскости реальности, как сквозь невидимую пленку, чтобы достичь нас. Что делает первую плоскость реальности почти опасной, поскольку химеры могут напасть на нас незаметно.

— До тех пор, пока мы будем бояться их, — добавил Эней.

— Вот именно. Поэтому мы должны изменить наши убеждения, чтобы достичь второй плоскости реальности, где химеры становятся видимыми. Но теперь ты говоришь, что химеры могут атаковать нас с третьего диска, до которого людям еще труднее добраться?

— Боюсь, Фу Цзи именно это имел в виду, — ответила Лиз.

— А как насчет остальных пяти дисков, между третьим и последним, сновиденческим? Придется ли их раз за разом подвергать изменениям, чтобы защитить себя от химер?

— Не стоит заранее волноваться, — спокойно и ободряюще произнес Энндал. — Не ты ли говорила, что торговец на Площади Времени, который продал тебе статуэтку, думал, что находитя на пятом этаже?

— Он сказал бы мне что угодно, лишь бы я купила его товар, — сказала Брисеида, пожав плечами. — Он ничего не сообразал.

— Спроси его потом, если он все еще там. Как знать.

— Хм... Фу Цзи рассказал вам что-нибудь еще о том, как Элита использовала мои песочные часы? Я чувствую, что здесь что-то не так. Что они на самом деле сделали с драконом в пагоде? Они заперли его — это понятно. Но почему они поступили так за две недели до того, как он им понадобился? Что они так долго делали со зверем? Но что еще важнее, почему после этого они поместили песочные часы перед клеткой со львом на несколько дней? Вам не кажется это странным? Я чувствую, что нечто упускаю...

— Фу Цзи не рассказал нам всего, — ответил Менг. — Я знаю своего сына. Он решил, что некоторые знания лучше держать при себе.

— И что он рассказал тебе о призраке? Я имею в виду... о твоём мертвом брате, Менг.

— Ничего ужасного.

— Почему Шу Фан сообщил Ло Шэнь о песенной карте, которая позволила бы нам найти переход в Цитадель? Знает ли он о планах Элиты?

— Мой брат уже при жизни был любителем проделок. Ничто не доставляло ему большего удовольствия, чем сбивать людей с толку. Я не думаю, что мы когда-нибудь узнаем, что он имел в виду. Моему сыну пришлось много спорить с ним, чтобы добиться помощи. Ему было безразлично, что я могу умереть. По словам Фу Цзи, брат не считает смерть неизбежностью. Что вполне понятно, с его точки зрения... В конце концов, его смогла переубедить участь Ло Шэнь. Я очень надеюсь, что он поможет Фу Цзи освободить женщин моей семьи.

— Как думаешь, Брисеида, может ли еще существовать переход, созданный Цитаделью? — спросил Энндал. — Переход, в который можно попасть с помощью песенной карты?

– Не знаю... Именно с помощью песенной карты мой друг Бенджи нашел портрет доктора Рише в Цитадели. Та, что висит во всех палатах больницы, из которой я совершила переход. И именно этот проход между больницей и Цитаделью использовал херувим. Поскольку существует, по крайней мере, одна стихотворная карта, которая использовалась на протяжении многих поколений в Поднебесной, то такая практика не является исключительной для Цитадели... Эту зацепку нельзя упускать.

Менг прочистил горло:

– Мы узнали много полезных вещей в Поднебесной. Но если, с учетом всего сказанного, искусство Бая – единственная причина, по которой канцлер Ли был готов убить тебя, Брисеида, то именно в этом кроется наш способ ослабить Элиту. И именно на этом мы должны сосредоточить наши усилия. Мы должны купить кисти, чтобы Брисеида научила нас рисовать, как это делает мой брат.

Энндал кивнул, на его лице появилась улыбка. Признание достоинств брата в таком утверждении должно было дорого обойтись генералу.

– Возможно, идея хорошая, но уже слишком поздно, – вздохнула Брисеида. – Фэн-шуй является частью китайской культуры. Как только мы достигнем следующего пункта назначения, нам придется начинать все сначала. Это действительно глупо, все эти часы, проведенные за рисованием, правильное положение кисти, между небом и землей, опора на движения *ци*... Когда держишь руку в таком положении очень долго, она начинает болеть. И все впустую. Я знаю, когда пришло осознание: в телеге, по дороге на гору Шеваль-Нуар. Когда нас так швыряло, я перестала думать о конечном виде своего рисунка и сосредоточилась на движении, о чем мне постоянно твердил Бай. Я была так близка к тому, чтобы увидеть химер... Вот почему я заметила отражение дракона в зеркале.

– *Ци* – это название силы у народа Менга, но эта сила должна быть универсальной, – заметил Оанко. – Новое знание находится в тебе, и ты, вероятно, все еще можешь его использовать.

– Если бы овладение *ци* было опасно для них только в Поднебесной, Ли без проблем позволил бы тебе вернуться назад, как того хотели херувимы, – добавил Энндал.

— Кстати, — заговорила Лиз, — как ты думаешь, почему херувимы хотели тебя отпустить?

— Если бы я знала...

— Когда они в последний раз пытались убить тебя, они все еще думали, что письмо твоего отца было написано в реальном мире, — размышлял Энндал. — Мы помним, что Цитадель рассматривает только доказательства, созданные в реальности. Теперь они знают, что это письмо не может их уличить. Возможно, они изменили свой план.

— Брисеида по-прежнему является доказательством их ошибки, — сказала Лиз. — Что, если они надеются искупить свою вину, доставив старика из пустыни в Цитадель? Возможно, они надеются отследить источник сопротивления, теперь, когда им известна личность Брисеиды.

Они молча размышляли о возможных последствиях теории Лиз.

— Было бы здорово, если бы они больше не пытались нас убить, — пробубнил Эней, всегда считавший, что стакан наполовину полон.

— Если только они не думают, что у них есть шанс уничтожить сопротивление раз и навсегда, — заметил Энндал.

— Если херувимы будут шпионить за нами, как мы за Элитой, преимущество будет за тем, кто первым найдет слабые места противника, — заключил Менг. — Время уходит.

— У нас осталась только половина песка торговцев, — заметила Лиз. — Нам придется действовать осторожно. Быстро установите контакт с местными обитателями, но будьте осторожны, так как любой может оказаться членом Элиты, хранителем или будущим студентом.

— Мадам Тити Л'Эрб, можно немного кипятка? — спросил Оанко. — Я уже закончил с нашим раненым, пора его будить.

Благодаря отвару Оанко Леонель внезапно и болезненно пришел в себя, как человек, на которого вылили ведро воды, чтобы помочь избавиться от похмелья. Его разбудили крики торговцев, которые постоянно сообщали о преимуществах своих товаров:

— ВСЕМОГУЩИЙ ПОЖИРАТЕЛЬ! ПРЫГАЮЩАЯ ПИПЕТКА!
НЕВЕРОЯТНАЯ ЗАКУСКА!

– КТО ЖЕЛАЕТ ПРИОБРЕСТИ КРАСИВУЮ ЗОЛОТУЮ РАМКУ? НЕСОКРУШИМАЯ РАМА, СКЛАДНОЙ КАРКАС, ВОСХИТИТЕЛЬНЫЙ ПОРТРЕТ И НЕУСТАННЫЙ ПЕРЕХОД!

– Заткните их, – прорычал он, склонив голову к локтям.

– Они как петухи, перестают кукарекать только с заходом солнца, – усмехнулась торговка.

Леонель приоткрыл один глаз.

– Но... – сказал он, садясь, – вы все здесь! И... мы здесь!

Обнаружив пропасть под ногами, он резко ухватился за перекладыны колеса, на котором находился. Оанко мягко подтолкнул его, чтобы парень снова лег.

– Нас спас призрак, а вас – дракон, которого смогла удерживать Брисеида.

– Что? Ай! Что еще она вам наплела?

– Введете его в курс дела, пока я немного прогуляюсь? – ответила Брисеида, которой не терпелось дать парню хорошего пинка. – Лиз, одолжишь мне несколько калуров? Мне нужно купить чернила.

– Перестань вести себя как ребенок, Лео, – улыбнулась она, потянувшись к своей наплечной сумке и протянув Брисеиде четыре кусочка папье-маше. – Только дураки не меняют своего мнения. И давайте посмотрим правде в глаза: химеры существуют, нравится нам это или нет.

Брисеида заметила большой ларек, где можно было купить чернила. Она пробиралась сквозь толпу, когда густой туман заполонил Площадь Времени. Вскоре она могла видеть только кончик своего носа. Девушка попыталась найти палатку, ориентируясь на голоса торговцев, которые в кои-то веки оказались желанными, но наткнулась на прилавок каравана.

– Извините, я хочу купить чернила, не подскажете, где их можно найти?

Никто так и не ответил ей. Вдруг облако рассеялось, и сквозь белый туман показалась фигура торговца, сидящего со скрещенными ногами, его взгляд был рассеян. Перед ним была выставлена впечатляющая коллекция песочных часов всех разме-